

Наталья Чернова

1.158.483

КОСТЮБЫ ПАМЯТИ

Табей Коган
Мухом Рудоминский
Николай Майоров
Юрис Смеденский
Елена Ширман
Василий Руданев
Алексей Лебедев

Наталья Чернова

КОСТЮЫ ПАМЯТИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1969

Николай Майоров

Николай Петрович Майоров родился в 1919 году. Школьные годы его прошли в городе Иваново, откуда он уехал учиться на исторический факультет МГУ. Параллельно посещал семинар поэта Павла Антокольского в Литературном институте имени Горького.

Первые публикации стихов появились в университетской многотиражке.

Рукописи, оставленные перед уходом на фронт на хранение товарищу, найти не удалось.

Политрук пулеметной роты Николай Майоров был убит в бою 8 февраля 1942 года. Похоронен в братской могиле в деревне Баранцево Гжатского (ныне Гагаринского) района Смоленской области.

Первая книга стихов «Мы» с предисловием П. Антокольского вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1962 году.

«ГДЕ МЫ ПРОШЛИ...»

Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Николай Майоров

I

Он был историком. Учился на истфаке МГУ. И был поэтом. Очень основательная, очень цельная натура Николая Майорова во всем искала глубины, самой сути:

Вот так, храня стремление одно,
Вползают в землю щупальцами корни,
Питая щедро алчные плоды, —
А жизнь идет, — все глубже, все упорней
Стремление пробиться до воды,
До тех границ соседнего врага,
Где в изобилие, с запахами вин,
Как древний сок, живительная влага
Ключами бьет из почвенных глубин.

Его, майоровские, корни уходили в недра истории: к тому путиловцу, что охранял ленинский броневик, к скифским курганам и к тому древнему человеку, который, кутаясь в «тепло звериной шкуры», высек на скале свой первый рисунок...

Все это образы его стихов. Он перекинул мосты из прошлого в настоящее. Он знал: человек немислим без памяти. Не только своей — памяти человечества...

Приду к тебе и в памяти оставлю
Застой вещей, идущих на износ,
Спокойный сон ночного Ярославля
И древний запах бронзовых волос...

Он был историком. Но пришел час, когда он должен был оставить свой истфак (уже заканчивал — учился на пятом курсе) и ехать под Ельню копать противотанковые рвы. А любимой писал: «Я не безногий, чтобы ехать на работу». Он добивался отправки на фронт. И добился.

Историк сам ушел вершить историю...

II

Наш музей «Строка, оборванная пулей» третий год ведет поиск по судьбе поэта, политрука роты 1106-го

стрелкового полка 331-й дивизии. Начали мы поиск от истоков судьбы нашего героя, с города, где он рос и формировался. В Иванове, на 1-й Авиационной улице (теперь улица Николая Майорова), есть маленький одноэтажный домик, в котором провел свое детство Николай.

Под окном этого дома трава всегда была вытоптана — здесь собирались братья Майоровы, к ним приходили друзья, неугомонные ребячьи голоса оглашали двор.

Школьные товарищи хорошо помнят невысокого коренастого паренька («Мы были высоки, русоволосы...» — «Это потом, в стихах, он стал высоким», — скажет много лет спустя его университетский друг Виктор Болховитинов). Помнят, как подымался он на небольшую школьную сцену, как, волнуясь, все же решался и читал, читал свои стихи... Помнят, как бережно хранила тетрадки со стихами и рисунками к ним Николая Шеберстова старенькая учительница...

Секретарь Ивановской писательской организации Виталий Сердюк, много писавший о своем земляке Николае Майорове, показал нам его портрет, выполненный Николаем Шеберстовым, и добавил: «Это наша реликвия».

Мы, разумеется, запомнили и портрет, и имя художника, его создавшего, и встретились с ним в Москве.

Николай Александрович Шеберстов в ту пору иллюстрировал собрание сочинений Вильяма Шекспира. Рассматривая эти иллюстрации, мы вспомнили, как, то ли в шутку, то ли всерьез, Николай сказал в своих стихах: «Ей не понять Шекспира и меня...» И вот Шеберстов, который в школьные годы начинал с рисунков к стихам Николая, иллюстрирует Шекспира!

Подумалось: как знать, живи сегодня Майоров, каких бы глубин достиг его талант, так щедро обещавший еще в самом начале большого поэта...

В экспозиции нашего музея появился портрет Майорова, сделанный рукой Николая Шеберстова. А экскурсовод Лена Каюдина на одной из экскурсий сказала: «Друзья Майорова считают, что на портретах Шеберстова Майоров похож на себя больше, чем на фотографиях». — «Почему?» — удивились экскурсанты. «На фотографиях может быть искусственность. Майорову это не свойственно. Но есть какое-то напряжение. И вообще фотография — это мгновение. А Шеберстов писал пор-

третью друга, которого хорошо знал. И на портрете — тип, характер».

Разумеется, дороги нам и фотографии. Члены совета музея горячо благодарны ивановскому товарищу Н. Майорова Борису Боброву, который воссоздал мгновения из жизни Николая. Борис увлекся фотографией, как только появились первые советские фотоаппараты. Он передал в наш музей свои негативы. Они старенькие — пятый десяток. Но Владимир Средний сделал все, чтобы победить возраст этих негативов. И в книге «Мы», сделанной руками ребят, появились снимки семнадцатилетнего Николая.

«Мы» — так по имени одного из главных стихотворений была названа книга стихов, вышедшая через двадцать лет после гибели поэта. В самодельную книгу «Мы» члены совета музея поместили материалы о Майорове, рисунки к его стихам.

Сергея Бодров — главный оружейник музея — нашел пулеметную ленту и повесил ее над майоровской книгой.

О, если б все с такою жаждой жили,
Чтоб на могилу им взамен плиты,
Как память ими взятой высоты,
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы.

И цветы в музее тоже есть. Их приносят ребята и ставят в гильзы. В ржавые гильзы времен войны.

III

В похоронке было сказано: «Убит 8 февраля 1942 года и похоронен в деревне Баранцево Смоленской области». Эта похоронка пришла в семью Майоровых.

Деревни Баранцево на Смоленщине не оказалось. Нет ее и в тех районах Смоленщины, которые отошли к соседним с ней областям после войны.

Поскольку такой деревни не было и нет, стало очевидным, что в похоронке описка писаря.

Друг юности Майорова по университету Ирина Пташникова искала могилу Николая. В 1957 году в семнадцати километрах к югу от Гжатска (Гагарина) она нашла деревню Баранцево (писарь в похоронке вместо «а» написал «е», превратив Баранцево в Баренцево). Об этой деревне она писала нам: «Не знаю, есть ли она сейчас? Тогда там оставалось всего четыре избы».

И совет музея решил найти могилу Николая Майорова. Все оказалось очень сложно. В Центральном военном архиве ничего узнать не удалось. В Московском совете ветеранов нам дали адреса фронтовиков 331-й дивизии, но все они служили в ней или после февраля 1942-го, или выбыли из строя до этого времени. Активная переписка давала мало материалов для поиска. В тупик ставило и то обстоятельство, что деревня Баранцево, расположенная в 17 километрах к югу от Гжатска, о которой писала И. В. Пташникова, в феврале 1942 года была в руках у немцев. Эта территория, как и сам город Гжатск, освобождена только в 1943 году. Предположение о неудавшемся прорыве в этих местах не подтвердилось.

Не скрою, был момент, когда члены совета музея потеряли надежду выяснить истину...

А мы идем искать ровесников следы,
Тех самых, что на четверть века старше нас.

Но уже не четверть века, уже более сорока лет отделяют нас от последнего мгновенья, от последнего вздоха Николая.

И вот начался поход на Смоленщину — наша поисковая экспедиция. Лагерем стали в деревне Некрасово Московской области, что близ 141-го километра Минского шоссе. Разбившись на две разведгруппы, начали поиски. Шли холодные проливные дожди. На попутных машинах и пешком проделывали ребята километр за километром. Промокшие, измочаленные возвращались в лагерь поздно, порою ночью.

На третий день экспедиции члены Гагаринской разведгруппы — Люба Нисловская, Дима Гаврилычев, Лена Каюдина, Валя Бекетова — вернулись с лицами победителей: «Есть другая деревня Баранцево! Не к югу, а к северо-востоку от Гагарина. В прошлом — Кармановский район. Именно там в феврале 1942 года шли большие бои». Об этом узнали от гагаринских краеведов.

Экспедиция продолжалась. Нить поиска вела нас на север района — в село Карманово, в деревни Петушки и Баранцево.

В Карманове строится большой мемориал. Прах павших воинов со всей округи переносится сюда, в братскую могилу. И уже поднялся во весь рост солдат в развевающейся плащ-палатке и поднес к губам своим брон-

зовую трубу, и позвал нас, живых, куда-то... в глубину человеческой памяти, к тому майоровскому «шалльному трубочу» из стихотворения «Мы», к тем тысячам, что «прошли с обугленными ртами и мужество, как знамя, пронесли»...

Председатель Кармановского сельского Совета Федор Еремеевич Смирнов заверил нас, что в братской могиле лежат только те бойцы, личности которых установлены. Вера Ломтева и Гена Курышкин, изучив списки погибших, Майорова Николая Петровича не обнаружили.

В деревне Петушки (совхоз «Верхне-Палатский» Гагаринского района) Сережа Бодров и Коля Башилов нашли ветерана 331-й дивизии Каюкова Анатолия Зосимовича.

Рассказывает А. З. Каюков:

«Оборона деревни Баранцево длилась несколько месяцев — с конца января 1942 года. Меня же ранило и контузило 19 февраля, поэтому жив. Мало кто оттуда вернулся. Трупам усеяна вся земля. Окопы не рыли. Снег большой. Мороз — 40 градусов. Надерешь елочек — и на снег. А раз снег подтаял, и вижу: на мертвом лежу. Раньше, видать, снегом припорошило. И огонь — днем и ночью. А мы ни метра назад не сделали, насмерть стояли.

Помню, в плащ-палатке политрук один приходит и подбадривает вроде: «Ничего, ребята, еще и о нас книги напишут». Может, это ваш Майоров и был?»

В Кармановском школьном музее висит карта, где обозначен путь 331-й дивизии 20-й армии. Эту карту следопыты составили по материалам и документам участников событий. Все совпало с рассказом фронтовика Каюкова.

Итак, сомнений не было. Это именно то Баранцево. Политрук пулеметной роты 1106-го стрелкового полка 331-й дивизии воевал и погиб здесь...

Из экспедиционного дневника Тани Сомовой:

«12 июля 1980 г. в 15 часов отправились в деревню Баранцево. От Петушков до Баранцева более 25 километров по шоссе. Мы несколько сократили путь, свернув на узкоколейку. Шли, песни пели. Дождик накрапывал. Но мы на него уже не обращали внимания.

Идем по лесу, и вдруг — роза. Представляете? В лесу — роза! Рифат говорит: «Это, наверное, шиповник, откуда в лесу роза?» Мы с ним поспорили. Прошли еще немного. Видим — изгородь, а дома нет. Но потом уви-

дели остатки дома, и еще одного... Вот откуда в лесу розы — здесь когда-то жили люди.

Возле одного брошенного дома нашли коляску от немецкого мотоцикла. Пулями продырявлена. А на ней звезды нарисованы. Тут мы уже не удивились нашим звездам на немецкой коляске. Ребятишки, наверное, играли, и она у них то самолетом была, то танком. И, конечно, советским...

Это и была деревня Баранцево. Вернее, то, что осталось от нее. Уцелели три дома. Жили только в одном. Наше гостеприимно встретила семья лесничего Королева — Сергей Иванович и Александра Павловна».

IV

Ночь была звездная. И кто-то вспомнил строчку из майоровских стихов: «В ту ночь он не увидел звезд: они не проникали в землю».

Братскую могилу в Баранцево, которую показал нам С. И. Королев, обложили дерном, украсили лесными ромашками. Рядом установили памятный знак. Его сделал в слесарных мастерских техникума Саша Петринич. На табличке слова:

«Что гибель нам?
Мы даже смерти выше!
Н. Майоров

Поэту-пулеметчику Николаю Майорову, погибшему 8 февраля 1942 года, от совета музея «Строка, оборванная пулей» Дмитровского рыбопромышленного техникума».

Минута молчания. И замер, склонив над могилой знамя музея, Гена Курышкин. И трепещут огни факелов в руках Коли Башилова и Сережи Бодрова. Даже лес умолк.

Сергей Иванович Королев сказал:

— Тут салют нужен!

Принес из дома ружье. Раскатилось по лесу эхо салюта, эхо памяти. И, волнуясь, Рифат Зарипов прочитал майоровские стихи:

И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Мы пришли к тебе Николай, в твое Баранцево, в твою фронттовую зиму, к твоим стихам...

Николай Майоров

МЫ

Это время
трудновато для пера
Маяковский

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
потомок различит в архивном хламе
кусок горячей, верной нам земли,
где мы прошли с обугленными ртами
и мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
железом обозначены следы, —
так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочтаете, как миф,
о людях, что ушли, не долюбив,
не докурив последней папирасы.
Когда б не бой, не вечные исканья
крутых путей к последней высоте,
мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
в столбце газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
да в серой прозе наших дневников.

Мы брали пламя голыми руками,
грудь раскрывали ветру. Из ковша
тянули воду полными глотками.
И в женщину влюблялись не спеша.
И шли вперед, и падали, и, еле
в обмотках грубых ноги волоча,
мы видели, как женщины глядели
на нашего шального трубача,
а тот трубил, мир ни во что не ставя
(ремень сползал с покатога плеча).
Он тоже дома женщину оставил,
не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
почти со всех сторон окружены,
глядели вверх — и небо было чисто,
как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
и слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут.
Он нами пройден, пройден до конца,
и хорошо, что руки наши пахнут
угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
нас не забудут потому вовек,
что, всей планете делая погоду,
мы в плоть одели слово «Человек»!

1940

АВГУСТ

Я полюбил весомые слова,
просторный август, бабочку на раме
и сон в саду, где падает трава
к моим ногам неровными рядами.

Лежать в траве, желтеющей у вишен,
у низких яблонь, где-то у воды,
смотреть в листву прозрачную
и слышать,

как рядом глухо падают плоды.
Не потому ль, что тени не хватало,
казалось мне, Вселенная мала?

Движения замедленны и вялы,
во рту иссохло. Губы как зола.

Куда девать сгорающее тело?

Ближайший омут светел и глубок —
пока трава на солнце не сгорела,
войти в него всем телом до предела
и ощутить подошвами песок!

И в первый раз почувствовать так близко
прохладное спасительное дно —
вот так, храня стремление одно,
вползают в землю щупальцами корни,
питаая щедро алчные плоды

(а жизнь идет!), — все глубже и упорней
стремление пробиться до воды,

до тех границ соседнего оврага,
где в изобилие, с запахами вин,
как древний сок, живительная влага
ключами бьет из почвенных глубин.

Полдневный зной под яблонями тает
на сизых листьях теплой лебеды.

И слышу я, как мир произрастает
из первозданной матери-воды.

1939

РОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

Приду к тебе и в памяти оставлю
застой вещей, идущих на износ,
спокойный сон ночного Ярославля
и древний запах бронзовых волос.
Все это так на правду непохоже
и вместе с тем понятно и светло,
как будто я упрямее и строже
взглянул на этот мир через стекло.

И мир встает — столетье за столетьем,
и тот художник гениален был,
кто совершенство форм его заметил
и первый трепет жизни ощутил.
И был тот час, когда, от стужи хмурый,
и грубый корм свой поднося к губе,
и кутаясь в тепло звериной шкуры,
он в первый раз подумал о тебе.
Он слушал ветра голос многоустый
и видел своды перевозанных скал.
Влюбляясь в жизнь, он выдумал искусство
и образ твой в пещере изваял.

Пусть истукан массивен был и груб
и походил скорей на чью-то тушу,
но человеку был тот идол люб:
он в каменную складку губ
все мастерство вложил свое и душу.
Так, впроголодь живя, кореньями питаюсь,
он различил однажды неба цвет.
Тогда в него навек вселилась зависть
к той гамме красок. Он открыл секрет
бессмертья их. И где б теперь он ни был,
куда б ни шел, он всюду их искал.
Так, раз вступив в соперничество с небом,
он навсегда к нему возревновал.
Он гальку взял и так раскрасил камень,
такое людям бросил торжество,
что ты сдалась, когда, припав губами
к его руке, поверила в него.
Вот потому ты много больше значишь,
чем эта ночь в исходе сентября.
Мне даже хорошо, когда ты плачешь,
сквозь слезы о прекрасном говоря.

1939

ПАМЯТНИК

Им не воздвигли мраморной плиты.
На бугорок, где гроб землей накрыли,
как ощущение вечной высоты,
пропеллер неисправный положили.

И надписи отгранивать им рано —
ведь каждый, небо видевший, читал,
когда слова высокого чекана
пропеллер их на небе высекал.

И хоть рекорд достигнут ими не был,
хотя мотор и сдал на полпути —
остановись, взгляни прямее в небо
и надпись ту, как мужество, прочти.

О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
как память ими взятой высоты
их инструмент разбитый положили
и лишь потом поставили цветы.

1938

РЕМБРАНДТ

В таверне дым, в кармане ни флорина.
Рембрандт ногтями стучает о стол,
Любуясь переливами графина,
Косым лучом, упавшим на подол
Красотки местной. Пиво на исходе.
Матросы просят рома, ну а ром
Теперь у бургомистров только в моде,
А моряки привыкли пить ведром.
Они сидят нахохлившись, ссутулясь
В своем углу и вспоминают вслух
Вакханок с амстердамских улиц,
Пустых жеманниц, безыскусных шлюх.
А старый штурман, отойдя к окошку,
Едва держась, как будто невзначай
Красотке, несшей на подносе чай,
Жмет с вождельнем пухленькую ножку.
Глухой маньяк, желающий не меньше,
Чем этот штурман, в давке, на лету
За полфлорина амстердамских женщин
Ловить, как птиц, порхающих в порту,
Глядит, трезвея, зло на моряка...
Меж тем Рембрандт, взобравшись на
подмости,
Двумя-тремя штрихами с маньяка
Сухим огрызком делает наброски.
Потом идет. Теперь проспаться где бы?
Уснув, как грузчик, видит на заре
Матросами заплеванное небо
И слышит грусть шарманки во дворе.

1939

* * *

Мне только б жить и видеть росчерк грубый
Твоих бровей. И пережить тот суд,
Когда глаза солгут твои, а губы
Чужое имя вслух произнесут.
Уйди. Но так, чтоб я тебя не слышал,
Не видел... Чтобы, близким не грубя,
Я дальше жил и подымался выше,
Как будто вовсе не было тебя.

1939

* * *

Я знал тебя, должно быть, не затем,
Чтоб год спустя, всему кладя начало,
Всем забытьем, всей тяжестью поэм,
Как слез полон, ты к горлу подступала.

Чтоб, как вина, ты после долго жгла
И что ни ночь — тобою б только мнилось,
Чтоб лишь к концу, не выдержав, могла
Оставить блажь и сдаться мне на милость.

Чтоб я не помнил этой тишины,
Забыл про сны, про небо и про жалость,
Чтоб ни угла, ни окон, ни жены
Мне на твоей земле не оставалось.

Но все не так. Ты даже знать не можешь,
Где началась, где кончилась гроза.
Не так солжешь, не так ладонь положишь,
Совсем по-детски поглядишь в глаза.

А я устал. За мною столько лестниц.
Я перешел ту верную межу,
Когда все мысли сходятся на песне,
Какой, должно быть, вовсе не сложу.

1939

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежать навывтяжку и, приоткрыв гробы, —
Мы слышим гром предугрненной палыбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

